

Вопросы философии и психологии

Книга 24

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 24 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-458-04674-9

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг. Журнал, основанный проф. Н. Я. Гротом и А. А. Абрикосовым. Год V. Сентябрь 1894 г.

ISBN 978-5-458-04674-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія.

(Окончаніе).

Практическая философія Сковороды.

Раньше говорилось объ общечеловѣческомъ нравственномъ идеалѣ, къ которому одинаково должны стремиться всѣ въ своей нравственной жизни, какъ къ совершенству. Практическая философія имѣетъ своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, личное благо каждаго человѣка.

По нашему мнѣнію, сочиненія Сковороды, относящіяся къ практической философіи, представляютъ для изучающаго ихъ наибольшій интересъ. И читаются они съ большимъ интересомъ: содержаніе ихъ вращается въ области житейскихъ вопросовъ, близкихъ каждому, хотя въ то же время въ основѣ ихъ положены философскія начала; изложеніе ихъ—легкое и живое, отличающееся нерѣдко остроуміемъ. Если и встрѣчаются здѣсь тексты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то далеко не такъ часто, какъ въ сочиненіяхъ философско-богословскаго характера. Сюда относятся главнымъ образомъ слѣдующія сочиненія Сковороды: „Разговоръ дружескій въ душевномъ мирѣ“, „Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь мира“, „Басни Харьковскія“ и друг.

Практическая и умозрительная философія находятся, по взгляду Сковороды, въ тѣсной связи между собою. Онъ, какъ послѣдователь древне-классической философіи школы

Сократа, осуждаетъ тѣхъ, которые ограничиваются однимъ умозрѣніемъ и знаніемъ безъ приложенія послѣдняго къ практикѣ. „Что пользы знать,—говорить онъ,—какимъ образомъ дѣлается дѣло, если ты къ тому не пріобыкъ. Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же. Она не въ знаніи живетъ, а въ дѣланіи. Вѣдѣніе безъ дѣла есть мученіемъ... Вотъ чѣмъ разнится scientia et doctrina (знаніе и наука) („Басни Харьковскія“). Съ другой стороны, и жизнь безъ знанія пуста, безцѣльна, часто ложна въ направленіи, погружена въ погоню за страстями, въ смуту, полна суевѣрій, предразсудковъ и проч. „Подлинно удивленія достойно,—говорить Сковорода,—что человѣкъ за 30 лѣтъ живетъ, а примѣтитъ не могъ, что для него лучше всего“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Правда, Сковорода допускалъ, повидимому, возможность доброй, отвѣчающей назначенію человѣка жизни безъ знанія, но—лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такую возможность онъ представилъ въ „Неграмотномъ Маркѣ“ (басня). „Добрался,—говорить онъ,—этотъ неграмотный Марко до рая. Вышелъ Петръ съ ключами и, отверзая ему райскія двери, спрашиваетъ: учился ли ты священныхъ языковъ?—Никакъ, отвѣчалъ простякъ. — Былъ ли въ академіяхъ?— Никогда, отче святой.— Чель ли древнихъ богослововъ книги?— Не чель; я аза въ глаза не знаю.— Кто-жь тебя исправилъ на путь мира?— Меня исправили три регулки.— Кіи три регулки?— А вотъ они: 1-я сія: все то доброе, что опредѣлено и святымъ людямъ; 2-я: все то невелико, что получаютъ и беззаконники; 3-я: чего себѣ не хочешь, другому не желай. 1-я и 2-я—домашнія и я самъ ихъ надумалъ, а 3-я—есть апостольскій законъ, для всѣхъ языковъ данный. 1-я родила во мнѣ Іовле терпѣніе и благодарность; 2-я дарила свободою всѣхъ мірскихъ вождельній; 3-я примирила меня съ внутреннимъ моимъ господиномъ“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Но вообще, относительно доброй и счастливой жизни Сковорода ставитъ дѣло такимъ образомъ, что во главѣ ея должны стоять знаніе и мудрость. „Голова дѣлу,—

говорить онъ,—то, щобъ узнати; отсюда родится желаніе, отъ желанія—искъ, а потомъ—полученіе... Премудрости дѣло въ томъ состоятъ, чтобы уразумѣть то, въ чемъ состоитъ счастье. Вотъ правое крыло. А добродѣтель трудится сыскать. По сей причинѣ она у Еллинь и Римлянъ мужествомъ и крѣпостію зовется: *ἀρετή*, *virtus*. Вотъ—и лѣвое. Безъ сихъ крылъ никоимъ образомъ нельзя выбратися и взлетѣть къ благополучію. Премудрость,—какъ орлиное крыло, а добродѣтель—какъ мужественныя руки съ легкими оленьими ногами. Сіе божественное супружество живо изображено сею басенкою (слѣдуетъ басенка „о слѣпѣмъ и очитѣмъ“, т.-е. зрячемъ). „Вообрази себѣ, что видишь путника, возлѣ пути сидящаго. Живое око его съ веселою жадностію взираетъ на замокъ. Этотъ замокъ есть домъ отца и всей миролюбимой фамиліи. Но бѣда для путника та, что хотя онъ и хорошо видитъ, но не имѣетъ ни рукъ, ни ногъ. Вдругъ онъ видитъ: приближается къ нему другой путникъ—слѣпой, который ощупываетъ посохомъ то вправо, то влѣво. „Кто ты?“—спросилъ зрячій.—„Мать моя,—отвѣчаетъ слѣпой,—сослала въ ссылку, родила безъ очей, а я возвращаюсь къ отцу моему“. Оказалось, что оба они — родные братья и цѣль путешествія обоихъ—достигнуть отцовскаго замка. Если слѣпой жаловался на мать (разумѣй матерію), то зрячій жаловался на отца (разумѣй умъ); „мой отецъ такъ меня родилъ, что по землѣ ходить не могу, ни ползать руками. Многіе желали къ сему меня употребить, но не рожденъ ползать“. Рѣшено было между братьями, что слѣпой возьметъ на плѣчи зрячаго и тотъ будетъ указывать путь и руководить слѣпымъ. „Чистое твое око будь, говоритъ слѣпой, вѣчнымъ тѣла моего обладателемъ и всѣхъ моихъ удовъ головой. Прекрати мучительство началородной тьмы, безчеловѣчно меня гоняющей по пустымъ пути сего посторонностямъ“ и т. д. „Теперь взгляньте,—говоритъ Сковорода,—на дивное дѣло Божіе. Изъ двоихъ человѣковъ составленъ одинъ. Одно путничье лицо сдѣлано изъ двоихъ сродностей безъ всякаго смѣшенія, но и безъ раздѣленія,

взаимно служащих". Такимъ образомъ, до очевидности ясно, какъ представлялъ Сковорода отношеніе между знаніемъ и мудростію, съ одной стороны, и практическою дѣятельностію человѣка, съ другой стороны; знаніе есть свѣтъ и око, указывающее истинный путь жизни человѣку.

Науки, которыя имѣютъ своимъ предметомъ человѣка и которыя необходимо изучать съ практическою цѣлю, „суть въ числѣ три: *медицина, юриспруденція и богословіе*". „Медицина,—говоритъ Сковорода,—врачуеъ тѣло; юриспруденція страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословіе изъ рабовъ дѣлаеъ сынами Божиими, вливая въ сердце ихъ охоту свободную къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ. Чѣмъ множае таковыхъ въ жительство, тѣмъ оно счастливѣе. И не напрасно есть пословица: доброе братство лучше богатства" („Басни Харьковскія"). Изъ указанныхъ трехъ главнѣйшихъ наукъ, „содержащихъ въ благоденствіи жительство", Сковорода беретъ изложить только богословіе, „дѣлающее изъ рабовъ сыновей Божіихъ".

Спѣшимъ предупредить читателя, что Сковорода въ данномъ мѣстѣ употребляетъ терминъ „богословіе" не въ обыкновенномъ принятомъ смыслѣ, а въ философскомъ. Здѣсь у него трактуется „о жизни по природѣ", какъ объ этомъ трактовали древніе философы,—„о высшемъ благѣ", какъ трактовали тѣ же философы,—„о любви и дружбѣ" и т. д. Почему Сковорода называлъ эту науку богословіемъ, это выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія; а здѣсь скажемъ кратко: это названіе связано съ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ Сковороды, которое объяснено нами въ своемъ мѣстѣ. „Не вездѣ ли,—говоритъ Сковорода,—присносушнаго Божія естества исполненіе? *Есть оно и во всякомъ человѣкѣ*" („Разговоръ: Алфавитъ и Букварь мира"). Съ этой точки зрѣнія, говоритъ о божественной природѣ человѣка значитъ говорить о Богѣ, насколько божественное естество выражается и дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

Какъ послѣдователь классической философіи, Сковорода начинаеъ свою практическую философію съ рѣшенія во-

проса о томъ, въ чемъ состоитъ „высшее благо“, или счастье человѣка.

Мы имѣемъ подъ руками два сочиненія Сковороды, спеціально посвященныя изслѣдованію и разсмотрѣнію поставленнаго вопроса. Оба сочиненія носятъ одно заглавіе: „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“. Одно изъ нихъ напечатано въ Москвѣ въ 1837 году; другое—рукописное. При одинаковомъ заглавіи и содержаніи—эти сочиненія весьма различны. Одно изъ нихъ (напечатанное) отличается отъ другого болѣе догматическимъ изложеніемъ содержанія, хотя и носитъ заглавіе разговора. Другое (рукописное), напротивъ, отличается художественною диалогическою формою, живостію изложенія, богатствомъ содержанія и остроуміемъ. Повидимому, этотъ „Разговоръ“ представляетъ собою подражаніе діалогу Платона: „Филебъ“, хотя содержаніе развито у Сковороды своеобразно. По нашему мнѣнію, это сочиненіе и по содержанію, и по изложенію—одно изъ лучшихъ сочиненій Сковороды. На немъ-то мы по преимуществу и остановимся.

Науку: „о высшемъ благѣ“, или счастья человѣка Сковорода называетъ всеобщею наукою. Она, говоритъ онъ, есть *каволическая*, т.-е. всеобщая наука, чего ни о какой другой (наукѣ) сказать нельзя. Всѣ прочія науки не всѣми, не всегда и не на все и не вездѣ нужны“ („О душевномъ мирѣ“, стр. 14). Но объ этой наукѣ большею частию не имѣютъ яснаго представленія. О счастьи человѣка всякій считаетъ себя вправѣ судить и судить обыкновенно по-своему, воображая, что судить правильно. „Ни о коей же наукѣ чаще и отважнѣе не судятъ,—говоритъ Сковорода,—какъ о той, кая дѣлаетъ блаженнаго человѣка“. „Правда,—продолжаетъ онъ,—что говорить и испытывать похвально, но усыновлять себѣ вѣдѣніе—сіе дурно и погибельно“ (тамъ же). Особенно порицаетъ Сковорода мнѣнія о человѣческомъ счастьи представителей различныхъ спеціальныхъ наукъ, высказываемыя наиболѣе докторально и авторитетно. Изъ нихъ многіе или полагають, что счастье человѣка заключается въ знаніи

ихъ спеціальной науки, напр., „проповѣдуетъ о счастіи историкъ, благовѣститъ химикъ, возвѣщаетъ путь счастія физикъ, логикъ, грамматикъ, землемѣръ“ и т. д. (тамъ же, стр. 15); или воображаютъ, что они настолько же свѣдущи въ наукѣ о счастіи человѣка, насколько—и въ своей спеціальной наукѣ: „если кто въ какую науку влюбился и прославился, тогда мечтаетъ, что всякое уже вѣдѣніе отдано ему за невѣстою его въ приданое“ (тамъ же, стр. 14).

Подобно Платону, Сковорода сначала опровергаетъ ложные взгляды на человѣческое счастіе. На поставленный вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное счастіе, или: „что такое есть для человѣка лучше всего?“ сначала собесѣдники затруднились и отказались отвѣчать. Но когда Григорій, который вызвался вести разговоръ, сказалъ: „я васъ проще спрошу: чего вы себѣ въ жизни паче всего желаете?“—одинъ изъ собесѣдниковъ отвѣтилъ: „я бы желалъ быть человѣкомъ высокочиновымъ, дабы мои подкомандные были крѣпки, какъ Россіяне, и добросердечны, какъ древніе Римляне; когда-бъ у меня домъ былъ, какъ въ Венеціи, а садъ, какъ во Флоренціи; чтобы быть мнѣ и разумнымъ, и ученымъ, и благороднымъ, богатымъ, какъ жидъ, дюжимъ, какъ быкъ, пригожимъ, какъ Венера, спокойнымъ, какъ однодворецъ“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“ въ рукописи). На это Григорій отвѣтилъ: „сумнительно, чтобы могли войтить въ уши Божіи столь безтолковія желанія; ты съ твоими затѣями похожъ на вербу, которая быть желаетъ въ одно время и дубомъ, и кленомъ, и липою, и березою, и смквиною, и яворомъ, и финикомъ, и розою, и рутою, солнцемъ и луною..., хвостомъ и головою“. Желанія другого собесѣдника представляютъ лишь нѣкоторое видоизмѣненіе желаній перваго.—„Для меня, говоритъ онъ,—кажется лучше всего то, если быть во всемъ довольнымъ... на деньги, на землю, на здоровье, на людей и на все, что только ни есть на свѣтѣ“. Это невольно вызвало смѣхъ у говорившаго первымъ, который на вопросъ: чего ты засмѣялся, отвѣтилъ: „отъ радости, что случился дурачеству моему товарищъ.

Сей такъ же жаєаетъ быть горбатымъ, какъ верблюдь, брюхатымъ, какъ кить, носатымъ, какъ крокодилъ, пригожимъ, какъ хортъ, аппетитнымъ, какъ кабанъ“ и проч. Григорій же серьезно замѣчаетъ, что онъ жаєаетъ нелѣпаго. „Представъ,—говоритъ онъ,—себѣ тѣхъ, коимъ никогда не видать изобилія; вообрази больныхъ и престарѣлыхъ. Приведи на память всѣхъ съ нескладнымъ тѣломъ рожденныхъ; неужель ты думаешь: премилосердная и попечительная мать наша натура затворила всѣ двери къ счастью, сдѣлалась для нихъ мачехою? Ахъ, пожалуй, не стѣсняй мнѣ премудраго ея промысла въ узкіи предѣлы; не клевети на всемогущее ея милосердіе; она для всякаго дыханія добра, не для нѣкоторыхъ выборныхъ изъ одного точію человѣческаго рода. Она рачительнѣйшимъ своимъ промысломъ все тое изготавила, безъ чего не можетъ совершиться послѣдняго червяка счастье; а если чего недостаетъ, то конечно лишнее. Очей не имѣеть кротъ,—на что-жь ему? Птица не знаетъ корабельнаго строенія,—не надобно, а кому надобно, знаетъ. Лилія не знаетъ фабрикъ,—она и безъ нихъ красна“. Съ другой стороны, „почему знаешь,—продолжаєтъ Григорій,—что полученіе твоего желанія тебе осчастливитъ? Справься, сколько тысячъ людей оное погубило; до коихъ пороковъ не приводитъ здравіе съ изобиліемъ. Цѣлыя республики чрезъ оное пропали. Какъ же ты изобилія жаєаешь, какъ счастья? *Счастье несчастливими не дѣлаетъ.* Не видишь ли и теперъ, сколь многихъ изобиліе, какъ наводненіе всемірнаго потопа, пожерло; а души ихъ чрезмѣрными затѣями, какъ мельничніи камни, сами себя снѣдая, крутятся? Кто не жаєаетъ честей, сребра, волостей? Вотъ тебѣ источникъ ропотъ, жалобъ, печалей, враждъ, тяжбъ, войнъ, грабленій, татбы, всѣхъ машинъ, крючковъ и хитростей; изъ сего родника родятся измѣны, бунты, заговоры, похищенія скипетровъ, паденія государствъ и вся несчастій бездна“.

На просьбу собесѣдниковъ сказать, въ чемъ состоитъ истинное счастье, Григорій предлагаетъ сначала узнать, въ

чемъ оно не состоитъ. „Можно ли,—говорить онъ,—всѣмъ людямъ быть живописцами, архитекторами? Можно ли быть всѣмъ изобильными или чиновными, дюжими или пригожими? Можно ли помѣститься во Франціи? Можно ли въ одномъ вѣкѣ родиться?—Нельзя никакъ. Видите, что *родное счастье ни въ знатномъ чинѣ, ни въ тѣлесныхъ дарованіяхъ, ни въ красной странѣ, ни въ славимъ вѣкѣ, ни въ высокихъ наукахъ, ни въ богатомъ изобиліи*“⁴. Это вызвало протестъ одного изъ собесѣдниковъ; развѣ въ знатномъ чинѣ и въ веселой странѣ нельзя быть счастливымъ? „Ты уже на другую сторону, какъ пьяный ляжъ чрезъ кобылу, перескочилъ,—говорить Григорій.—Еслибы страна существомъ или эссенціею счастья была, непременно нельзя бы не быть всѣмъ счастливымъ; во всякой странѣ есть счастливый и несчастливый“.

Наконецъ, одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ: „для меня, кажется, нѣтъ ничего лучшаго, какъ получить мирное и спокойное сердце; въ то время все пріятно и сносно“. Другой говоритъ: „я желалъ бы въ душѣ моей имѣть толь твердую крѣпость, дабы ее ничто поколебать и опрокинуть не могло“. Третій говоритъ: „а мнѣ дай живую радость и радостную живость; сего сокровища ни за что не промѣняю“. „Сии троихъ васъ желанія,—говоритъ четвертый,—по существу своему есть одно... Вотъ вамъ верхушка и цвѣтокъ всего житія вашего: *внутренній миръ, сердечное веселіе, душевная крѣпость*“.

Итакъ, счастье человѣка состоитъ въ душевномъ мирѣ, сердечномъ веселіи и душевной крѣпости. Какъ же достигнуть этого счастья? „Враги твои,—говоритъ Сковорода,—суть собственные твои мнѣнія, воцарившіяся въ сердцѣ твоёмъ и всеминутно тое мучація. Шепотники, клеветники и противники Божіи, хулящіи непрестанно владычное въ мірѣ правленіе и древнѣйшіе законы обновить покушающіися, сами себе во тьмѣ и согласниковъ своихъ вѣчно мучающіи, видя, что правленіе природы во всемъ не по бѣсноватымъ ихъ желаніямъ, ни по омраченнымъ понятіямъ, но по высочайшимъ отца нашего совѣтамъ и вчера и днесъ и во вѣки

свято продолжается. Сии-то не разумѣюще хулять распоряженіе круговъ небесныхъ, оуждаютъ качество земель, порочать изваяніе премудрой Божіей десницы въ звѣряхъ, дровахъ, горахъ, рѣкахъ и травахъ; *ничѣмъ не довольны*. По ихъ несчастному и смѣшному понятію не надобно въ мірѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней; а паче всего—смерти; къ чему она? Ахъ, бѣдное наше знаньице и понятійце!“ Еще больше жалобъ у людей на ихъ собственное положеніе. Одинъ, на-примѣръ, беспокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ. Другой тужить: хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однако многіе какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, *лицемѣромъ*. Третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло бы ему поставить столъ изъ десятка блюдъ, а теперь только что изъ шести блюдъ изволить кушать. Четвертый мучится, какимъ бы образомъ не лишиться, правда, мучительнаго, но притомъ и прибыльнаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею, домашнею, а внутреннюю душевную экономією, т.-е. узнать себе и сдѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ. Пятый терзается, что чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ отечеству, не можетъ за множествомъ кандидатовъ пробраться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели. Шестой тревожится, что начала предъявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною армією немилосердная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, при-тупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно пить, ѣсть и проч. Но можно ли счесть несчетныя тмы нечистыхъ духовъ и черныхъ вороновъ, или (съ Павломъ сказать) духовъ злобы поднебесныхъ,

по темной и неограниченной безднѣ—по душѣ нашей--будто по пространнѣйшемъ воздухѣ, шатающихся? Сіи всѣ—еще не исполины, но саміи бездѣльниі, какъ собачки постельниі, душкѣ; однако-жъ дѣйствительно колеблѹтъ наше неискусное въ битвѣ и не вооруженное совѣтами сердце. Самый послѣдній бѣсѣшка тревожитъ нашъ неукрѣпленный городокъ. Что-жъ, если дѣло дойдетъ до львовъ? Въ борьбу съ „нечистыми духами и черными воронами“, т.-е. съ нашими собственными мнѣніями, „всеминутно насъ мучащими“, мы должны вступить, чтобы достигнуть своего внутренняго душевнаго мира. „Тѣлесное здравіе,—говоритъ Сковорода,—не иное что есть, какъ равновѣсіе и согласіе огня, воды, воздуха и земли, а умирение бунтующихся мыслей есть здравіе души и животь вѣчный“. Нельзя ссылаться на трудность борьбы. „Трудно одѣть и питать тѣло, да надобно и нельзя безъ сего; въ семъ состоитъ жизнь тѣлесная, никто о семъ трудѣ каяться не долженъ; а безъ сего попадетъ въ тягчайшую горестъ, въ голодъ, холодъ, жажду и болѣзни. Если украшаешь и одѣваешь тѣло, не забывай и сердца“. На этомъ пути къ душевному миру требуется прежде всего здравый смыслъ, свободный отъ предвзятыхъ воззрѣній, и зрѣлое разсужденіе о природѣ. „О всемъ зрѣлымъ разумомъ разсуждайте,—говоритъ Сковорода,—не слушая шепотника-дьявола, и уразумѣете, что *вся экономія Божія во всей вселенной исправна, добра и встѣмъ намъ всеполезна есть*. Его именемъ и властію все на все на небеси и на земли дѣлается“. А это приведетъ къ тому, „чтобъ *отдаться во волю Божию*“. Вотъ фундаментъ нашего внутренняго мира, а выѣстъ съ тѣмъ и основаніе нашего счастья или высшаго блага. „Чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ,—говоритъ Сковорода,—тѣмъ мирнѣе и счастливѣе“.

Мы кратко изложили содержаніе „Разговора о душевномъ мирѣ“ Сковороды. Выводъ изъ изслѣдованія, который, какъ заключительный, сейчасъ приведенъ нами, легко можетъ подать поводъ къ превратному пониманію практической философіи Сковороды. Поэтому необходимо перейти къ озна-